

ДЕД

В конце 90-х я посетил родную Одессу. Остановился у дальних родственников, т.к. близкие уже все уехали. Старик со старухой, еле сводящие концы с концами, несмотря на то, что старик был когда-то ведущим инженером. А сейчас кроме маленькой пенсии старуха латает за гроши старую одежду. "Если б синагога не помогала, – говорила она – не знаю как бы справлялись"

Но разговор не об этом. Через эту старуху я услышал о своём деде, который умер до моего рождения, удивительную историю.

Я думал, что все мои предки – с Украины. Точнее, с Подолии и Бессарабии. Но по рассказу старухи у деда была родня в Белоруссии. И вот его двоюродная сестра, молодая женщина с двумя маленькими детьми оказывается среди беженцев в 1943 г. в Сталинграде. Немцы на подходе. Русские эвакуируют основные силы на левый берег Волги. Начинаются бомбежки. Транспорта нет. Еда кончается. Тут этой женщине попадает на глаза офицер, форма и знаки отличия которого, совпадают с такими же ее двоюродного брата, лейтенанта медицинской службы.

– Скажите, вы не знаете лейтенанта Петра Шлеймовича? – спросила она.

– Нет, не знаю, – ответил офицер и улыбнувшись, добавил – Знаю старшего лейтенанта с такой фамилией, Петра Самойловича. Идите туда, они как раз обедают. Она пошла.

– Пиня!!!

– Аня!!! Что ты здесь делаешь?!

– Пиня, ты должен нас спасти. У нас кончилась еда. Но главное мы не можем перебраться на тот берег. Ты можешь организовать для нас транспорт?

– С едой проблем не будет. А вот с транспортом завязка. Все машины и все катера и лодки задействованы. Немцы бомбят мосты. Да я и не имею

дела с транспортом.

– А у начальства можешь попросить?

– Единственный человек, у которого я бы мог попросить - это майор Гольдштейн.

Но он, хоть и еврей и твой земляк, но...

– Но?

– Но он принципиальный коммунист и человек с железным сердцем, ни для кого поблажек не делает.

– Как его зовут?

– Марк Давидович.

– Иди и скажи ему, что это я прошу у него помощи, я!

– ??

– Он за мной ухаживал когда-то в Минске, даже делал предложение, но я вышла за другого.

Брат, не теряя времени, удалился, а через час подъехал грузовик. Сидай, мамаша! – закричал солдат-водитель. Вот вам хлебушки, хлопцы, зараз цирк будем робити. И он поехал к единственному не до конца разбомбленному мосту. Но когда подъехали к середине моста, она увидела, что часть моста вообще отсутствует, остались только горизонтальные железобетонные балки. Смотри, мама, Стуки! – сказал старший мальчик и показал на небо, где ещё далеко из облаков с мерным гулом показалась чёрная стая. Солдат перекрестился и въехал на две параллельные балки каждая лишь чуть шире колеса.

– О Готеню! – побледнела женщина.

– Отак, молись, сестра, хуч на якої мове.

Так и переправились. И спаслись.

Закончилась война и она вернулась домой. Хоть уже вдова, но работала и растила детей. И вот в один день в дверь постучались. Она открыла. На пороге стоял человек в выдавшем вида кителе. По лысой голове и лицу, точнее тому, что осталось от лица и по рукам, державшим палочку, было видно, что он горел. Слепые глаза смотрели поверх неё. "Лётчик или танкист – подумала она, совсем не удивившись, ведь много было тогда калек-инвалидов. Она уже собралась дать ему хлеб и что-то из продуктов. Но тут вдруг она вздрогнула.

– Аня – сказал он...

– Аня... Это я, Мотл. Мотя Гольдштейн. Я выручил вас тогда в Сталинграде.

– Спасибо.

– Нет, Аня, я не об этом. Я горел в танке. Твой брат, Пиня, вытащил

меня, он спас мне жизнь.

Тут она заметила, как в слепых глазах заблестели слезы.

– Бог есть, Аня – сказал он и по-военному повернувшись, стал уходить уверенной-неуверенной походкой слепого человека...

Старуха закончила рассказ.

– Вот так вот. Твой дед Пиня. И Аня, моя сестра – вздохнула она

МИТЧЕЛЛ

Где-то в конце 90-х познакомился я у друга на свадьбе с одним молодым американцем. Звали его Митчелл и был он типичным 28ми-летним американцем, разве что, он сносно говорил по-русски, что для американца – редкость.

Он был потомком русскоязычных эмигрантов и выучил язык уже сам в колледже. А сейчас он собрался в Россию, потому что у него "есть некоторые большие бизнес-идеи".

– Скажите, Леон, у меня достаточно Русский, чтобы делать бизнес-неготиации? – спросил он.

– Языка-то достаточно, вот только...

– Что есть проблемы? – Митчелл посмотрел на меня простодушным взглядом хорошо воспитанного юноши из престижного чикагского пригорода.

– Есть, – ответил я, – ты ведь едешь не как представитель корпорации, а как частное лицо, так?

– Так.

– Значит тебе придётся там входить в доверие влиятельных лиц, так?

– Так что проблемы?

– А то проблемы, что ты водку пить не умеешь!

Митчелл смотрел ошарашено, пытаясь уловить связь.

– Материться не умеешь. Юмора русского не понимаешь. И выглядишь ты, как доверчивый лох.

– Как кто? – спросил Митчелл и заметно упал духом. – Может ты, Леон, мне поможешь, ты умеешь делать все эти вещи, плиз? А я... в долге не буду.

– В долгу не останусь. Так... до твоего отъезда осталось меньше месяца.

Времени мало. Давай задаток и пошли.

– Куда?

– В ликеро-водочный.

Теперь, читатель, представьте себе нарезку кадров как в фильмах 80-х типа Роки или Каратэ Кид, где герой упорно тренируется под

присмотром тренера-гуру под интенсивный саундтрек – только в этом случае не американский, а что-то из ДДТ или Ленинград'a

Вот он учится пить, держа хрустальную рюмку с холодненькой Столичной слегка на отлёте. – Позвоночник прямее! – кричу на него, – локоть под прямым углом, так...медленно голова с рюмкой уходит назад... Ну! Он крикает: «Хорошо пошла, дай Бог не последняя!» – «Слезы, это хорошо», – говорю я, садистки улыбаясь.

Вот он пыжится и выкрикивает: «Сукаблять!»

Я смеюсь: «С таким матом тебе только в Голубом Огоньке выступать. Киркоров ебанный» – я хватаю его за грудки и кидаю на стол, все с грохотом летит на на пол. «Damn Leon, what are you.. сука, хуй!!!» – орет он.

– Вот так-то лучше.

Вот я вырезал в картонной коробке окошечко и изображаю чиновницу.

Он подходит к окошку. Я – не обращаю внимания, полный игнор.

– Я ещё ничего не успел сказать! – недоумевает он.

– А как ты подходишь? Как ты подходишь?! С извиняющимся видом, как будто тебе что-то надо.

– ??!

– Запомни, не ты им должен, это они тебе должны.

– Почему, Леон?

– Потому что ты американец, хозяин жизни, супермен, Брэд Пит, Джордж Клуни...

– Остап Бендер.

(Мы с Митчеллом накануне просматривали советские комедии, чтобы понять специфику русского юмора)

– Молодец, понял.

– Хули.

Митчелл пошел проверять свои новообетенные культурные навыки утраченного было наследия на своей 90-летней прабабушке, которая когда-то была гимназисткой в Смоленске. Бедная старушка от шока чуть не очоурилась.

Самым тяжелым испытанием оказалась парилка с веником. – Я понял, это такой садо-мазохизм, очень русское занятие, – сказал Митчелл, обливаясь потом, с налипшими на теле дубовыми листочками.

– Ты все правильно понял, братан! Завтра утром – в дорогу, поедешь чистым душой и телом!

За месяц мы с ним сроднились.

– Ну что, присядем на дорожку, – сказал Митчелл. Мы присели. Боже,

спаси и сохрани! – провозгласил он вдруг громогласно.

– А это откуда? – удивился я.

– От прабабушки.

Митчелл вернулся не через два месяца, как было запланировано, а через год. Он изменился, был подкачанный, с бородкой, и во взгляде – легкая бесшабашность. Казалось, она всегда у него была, только ждала возможности проявиться.

– Мне твоя наука пригодилась, ты мне очень помог, Льёня.

Он говорил уже почти свободно, только мягкие согласные все ещё не давались. Но они никому не даются.

– Вот тебе телняшки, – улыбаясь, Митчелл протянул свёрток.

– Две?

– Одна летняя, одна зимняя, с начёсом. Как обещал, капитан!

(Это потом уже, разбирая свёрток, я обнаружил в нем новенький Ролекс с корявой кириллицей на открытке: "Спасибо Леон!")

– Я смотрю, ты там накачался.

– Митчелл рассмеялся, – Ты знаешь, меня в джиме приняли за чеченца.

Так я стал включать чеченца, когда мне надо.

Я любовался им и думал: вот гармоничное соединение двух великих народов. Да, эта добродушная простота и отзывчивость с честностью, умом и предприимчивостью, просто неотразимая смесь.

Тут он, как будто читая мои мысли, вдруг посерьёзней и сказал: Я приглашаю тебя на свадьбу... Её зовут Альона.

ФИЛ

На Шаббос я останавливался во Франкстоне, где у моего племянника, Соломончика, была Бар-Мицва. Так как приехал весь класс мальчишек, я ночевал у соседа, который принял меня очень гостеприимно. Фил, крупный мужик моего возраста, эмоциональный, но сдержанный, как все Маори. (Маори – коренное туземное население Новой Зеландии, наводившее когда-то страх на англичан-колонизаторов своей воинственностью и устрашающим видом). Было за полночь, за окном остывал жаркий австралийский вечер, мы сидели и пили и Фил говорил...

– Меня родители привезли из Н.З. в Австралию маленьким и других Маори я не встречал. Ходил в школу с белыми, но чувствовал себя одиночкой, не очень вписывался. Только потом, когда выучился на монтажника-крановщика, впервые встретил других Маори, тоже

рабочих-строителей. И на перекурах я смеялся от их шуток и понимал, что это близкие мне люди по крови, но... все равно была какая-то дистанция, которую я не мог преодолеть... может быть потому, что я уже мыслил как белый?

... Потом Фил рассказал, как он разбился на мотоцикле, как его собрали по частям, как он, желая быть полноценным, выучился на IT и теперь уже работает руководителем проекта. Рассказывал о семье, о разводе, о своей мечте вернуться в Новую Зеландию и заняться сохранением окружающей среды, используя свой опыт профсоюзного руководителя. Вдруг Фил задумался.

– А ещё я немножко еврей.

– ??

– Я узнал от мамы, что моя прабабка была еврейкой, прибывшей из Польши. Потом ее взял в жены местный Маори, из одной из важных семей на Северном Острове, у них родилась моя бабка. А та родила мою маму...

...

Теперь иногда помогаю твоему брату, когда ему нужен этот... ну... миньян! – Улыбнулся Фил.